

Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне¹

С.А. КОЖЕВНИКОВ, кандидат экономических наук
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru; ORCID ID: 0000-0001-9063-6587
Вологодский научный центр РАН, Вологда

УДК 338.2
ББК 65.05

Аннотация. В статье на базе критического анализа теоретических концепций обоснованы сущность, «родовые» признаки, предпосылки и условия обеспечения пространственной интеграции экономики регионов. Показано, что интеграция часто трактуется как синоним конвергенции территорий, однако взаимодействие муниципалитетов Республики Карелия и Финляндии обнаруживает иное – она не всегда обеспечивает конвергенцию на практике. Рассматривая интеграцию как процесс, развивающийся во времени и по сферам, с использованием закона единой цены, а также в рамках «потокowego» подхода к оценке, были исследованы особенности интеграционных процессов на рынках товаров и факторов производства (труда) северных регионов. Проанализированы институциональные, нормативно-правовые, инфраструктурные аспекты пространственной интеграции, барьеры и проблемы ее обеспечения на внутри- и межрегиональном уровнях. Обоснованы приоритеты государственной политики по обеспечению единства экономического пространства страны.

Ключевые слова: экономическое пространство; пространственная интеграция; регион; региональная экономика; конвергенция

Введение

Рыночные реформы, проведенные в 1990-х гг. в «шоковом» варианте, привели к разрушению сложившихся экономических связей между регионами России. Так, только в 1990–1994 гг. доля межрегионального оборота в ВВП (ключевого показателя интегрированности экономического пространства) снизилась с 22 до 16%, а к концу 1990-х гг. – до 12–13% [Гранберг, 1999]. Несмотря на восстановительный рост экономики в 2000-х гг.,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–110–50192.

межрегиональный оборот так и не преодолел планку в 15% ВВП, а степень развития межрегиональных взаимодействий в настоящее время далека от оптимальной [Котов, 2021].

Главными причинами ослабления связей стало возрастание конкуренции регионов за привлечение человеческих, финансовых, инвестиционных ресурсов; либерализация внешней торговли и переориентация хозяйствующих субъектов на внешние рынки. Это изменило характер территориального разделения труда, привело к разрушению экономического фундамента территориальной целостности страны².

В связи с этим в науке, практике управления пришло понимание, что конкурентная борьба не позволяет эффективно использовать потенциал территорий, так как стимулирует их обособление, нарастание дифференциации по уровню развития. В результате все большее распространение получает позиция о необходимости координации усилий регионов³, обеспечения пространственной интеграции их экономик.

Данная проблематика является особенно актуальной для северных территорий России, поскольку около 2/3 ее площади относится к зоне Крайнего Севера и приравненным к ней местностям. Эти субъекты РФ обладают огромным природно-ресурсным, геостратегическим и транзитным потенциалом. Вместе с тем снижение в условиях рынка регулирующей роли государства в освоении пространства Севера, переориентация регионов на внешние рынки в качестве поставщиков сырьевых ресурсов привели к нарастанию дезинтеграционных процессов в национальном пространстве, снижению эффективности использования потенциала данных территорий и их вклада в обеспечение роста экономики России [Лаженцев, 2020].

Учитывая стратегическую значимость северных регионов для развития России, их интеграция в экономическое пространство страны является задачей национальной безопасности. Однако

---

² Проблема является характерной не только для России. Так, ускоренное развитие экспортоориентированных восточных провинций Китая на фоне отстающего развития западных и центральных районов привело к дезинтеграции пространства КНР [Guo, 2016].

³ Конкуренция в процессе эволюции также претерпевает изменения [Полтерович, 2015]: в ней возрастает роль институтов сотрудничества, горизонтальной кооперации [Крюков, 2020] как в бизнес-среде, так и между территориальными системами различных уровней.

ее решение осложняет довольно слабый уровень развития теории и методологии обеспечения пространственной интеграции регионов в условиях рынка; в науке до сих пор не сложилось единой трактовки сущности данной категории, факторов, которые обеспечивают на практике интеграцию пространства. Эти обстоятельства обуславливают актуальность данной статьи.

Целью работы является критический анализ теоретических концепций пространственной интеграции экономики и проблем ее обеспечения на внутри- и межрегиональном уровнях.

Объект исследования – субъекты РФ, входящие в состав Европейского Севера России.

Пространственная интеграция экономики: анализ теоретических концепций

Интеграция является имманентным свойством любой системы и подразумевает под собой процесс формирования и развития тесных связей между ее элементами для повышения как их устойчивости, так и системы в целом. Применительно к региональным системам исследователи [Полякова, 2011; Uszkai, 2015] сходятся во мнении, что движущей силой развития в них интеграционных процессов выступают отношения географического *разделения и кооперации труда*.

Интеграция является *пространственной*, если разные участники, разделенные в пространстве, имеют единую систему координат общей деятельности. Сложность ее исследования связана с тем, что в науке не выработано пока единой концепции, которая комплексно бы объясняла интеграцию региональных систем, т.е. объединяла в себе анализ пространственной организации регионов и развития в них связей (внутрирегиональная интеграция), а также межрегиональной интеграции в рамках национального пространства.

Ближе всего к пониманию закономерностей протекания этих процессов подошли теории международной экономической интеграции (МЭИ), зародившиеся в середине XX в. и в дальнейшем развивающиеся в рамках ряда научных школ. Основным отличием последних является разное понимание роли государства в регулировании интеграционных процессов; сфер, где развитие интеграции целесообразно и эффективно; механизмов ее обеспечения.

Постепенно (с рыночно-институциональной школы) интеграция стала трактоваться не только в статике, но и в динамике, т.е. как процесс. Б. Баласса обосновал этапы углубления интеграции, которая зарождается на товарных рынках, потом развивается на рынках факторов производства, в институциональной, социальной, политической сферах, что ведет к формированию единого пространства, конвергенции территорий по ключевым показателям.

Представители неокейнсианской (Р. Купер, Я. Тинберген) и функциональной школ (Д. Митрани, Ф. Шмиттер) доказали, что для активизации интеграционных процессов необходимы принятие законов и разработка инструментов, направленных на устранение барьеров взаимодействия государств в различных сферах, формирование институтов, наднациональных структур управления интеграцией. В дальнейшем эти положения получили развитие в неофункционализме, теории «крепкого ядра», концепции «конфедерации» и др.

Несомненным достоинством советской школы исследования международной экономической интеграции (М. Максимова, В. Шмелев, Ю. Шишков) был акцент на изучении всех стадий воспроизводственного процесса интегрирующих стран; межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда. Однако интеграция рассматривалась с позиции обобществления производств, прочие ее аспекты (интеграция в социальной, инновационной, культурной сферах) исследовались недостаточно.

Таким образом, в школах МЭИ зародились научные основы исследования интеграции. Вместе с тем существенным их недостатком является рассмотрение экономики стран как «точек», т.е. не имеющих внутренней пространственной структуры; слабый акцент на исследовании интеграции регионов в рамках национального пространства.

В определенной степени устранили эти недостатки теории кумулятивного роста. Дж. Фридман, Г. Мюрдаль, Ж. Будвиль и др. обосновали, что пространственная интеграция достигается за счет развития устойчивых потоков товаров, факторов производства по линии «центр-периферия». Ф. Перру доказал, что она обеспечивается посредством рынка, инвестиций и институтов. П. Потье показал важнейшую роль транспорта в формировании интеграционного пространства.

Зарубежная теория кластеров (М.Ю. Портер, М. Энрайт) объясняет особенности формирования интегрированных структур, базирующихся на углублении специализации, конкуренции и кооперации при производстве между сетью независимых, но географически соседствующих агентов. Важно также обратить внимание на теорию территориально-производственных комплексов (ТПК), разработанную советскими учеными (Н. Баранским, Н. Колосовским, М. Бандманом). Они исследовали процессы консолидации природных, материально-технических, трудовых ресурсов, в результате которых формируется специализированный экономический регион. Огромное влияние на развитие методологии исследования интеграции оказал А.Г. Гранберг.

Все перечисленные теории объясняют те или иные особенности развития межгосударственных и межрегиональных связей. Однако нельзя не согласиться с позицией П. Я. Бакланова [Бакланов, 2002], что в чистом виде таких связей не существует, поскольку они складываются между предприятиями различных отраслей, находящихся в разных регионах. Именно они интегрируются в форме межтерриториальных. Поэтому чрезвычайно важно исследовать особенности интеграции на уровне хозяйствующих субъектов.

В частности, Р. Коуз, О. Уильямсон, Б. Клейн обосновывали, что вертикальная интеграция фирм обеспечивает снижение издержек, себестоимости производства, расширение рынка сбыта. Эти позитивные эффекты достигаются за счет нулевой рентабельности обмена между подразделениями, снижения административных барьеров их взаимодействия, наличия централизованных органов управления производственной и иной деятельностью, которые распределяют эффекты по звеньям цепочки. Теории интернализации (П. Бакли, М. Кэссон), системной интеграции (Г. Клейнер) рассматривают крупную фирму как управляемую систему, объединяющую технологические, институциональные, культурные и поведенческие процессы [Клейнер, 2005]. Отсюда очевидно, что интеграция развивается не только по поводу производства, но и в других сферах хозяйственных систем.

Таким образом, *пространственная интеграция экономики регионов является процессом, развивающимся во времени и углубляющимся по сферам*. Наличие торговых и производственно-кооперационных связей регионов – это лишь *предпосылка ин-*

теграции, которая в дальнейшем разворачивается на факторных рынках, в других сферах, институциональном пространстве. При этом углубление интеграции невозможно без создания межрегиональных структур управления, что придает ей регулируемый характер.

Пространственная интеграция относится к более сложным категориям, чем «межрегиональное экономическое сотрудничество», «межрегиональная кооперация», «экономическая интеграция». Так, межрегиональное экономическое сотрудничество, как правило, рассматривают через призму финансовых (инвестиционное сотрудничество, «горизонтальные» субсидии) и нефинансовых (информационное сотрудничество, взаимодействие при формировании нормативно-правовой базы) форм совместного участия регионов в решении общих задач. Одной из них является межрегиональная кооперация, которая трактуется как форма организации совместной деятельности агентов различных регионов с учетом разделения между участниками функций, ролей и обязанностей. При этом сохраняется самостоятельность субъектов.

В свою очередь пространственная интеграция экономики регионов является высшей стадией эволюции их пространства, характеризующейся «сращиванием» их хозяйственных комплексов и формированием системы с новым качеством в результате развития тесных связей между ее элементами. При этом новое целое не теряет внутренней сложности. Пространственный подход к трактовке интеграции рассматривает регион не как точку (в отличие от категории «экономическая интеграция» в теориях МЭИ и др.), а в качестве системы, имеющей внутреннее пространственное измерение.

Иными словами, такая интеграция является пространственным выражением социальной интеграции в широком смысле этого слова и включает в себя сотрудничество регионов в инфраструктурной, инновационной, социальной, культурной, научной и прочих сферах [Вое et al., 1999], ведущее к формированию новой системы. Интеграция часто трактуется как синоним конвергенции территорий. Однако на практике эти процессы далеко не всегда совпадают. Во-первых, интеграция и конвергенция находятся в отношениях диалектики [Челнокова, 2016]: схожесть территорий является предпосылкой интеграции,

которая в ходе своего развития ведет к конвергенции сегментов социально-экономической системы. Во-вторых, опыт развития регионов (прежде всего приграничных) показывает, что взаимосвязь между интеграцией и конвергенцией далеко не автоматическая.

Наряду с предпосылками анализ литературы позволил выявить и барьеры, ограничивающие развитие пространственной интеграции [Курушина, 2019; Бухвальд, Иванов, 2015]:

- *естественные (физические)* – географическая удаленность и слабый уровень развития транспортной, инженерной инфраструктуры;

- *экономические* – низкая емкость региональных рынков; разрушение сложившейся системы разделения труда на меж- и внутрирегиональном уровнях; значительное экономическое расстояние; высокий уровень различий в социально-экономическом развитии территорий;

- *социальные* – социальные, культурные различия территорий, отсутствие исторически сложившихся связей; неразвитость социальной инфраструктуры; несбалансированные миграционные потоки;

- *институционально-правовые* – административно-территориальный принцип управления региональным развитием; низкая эффективность работы институтов управления интеграцией или их отсутствие; неурегулированность межбюджетных отношений; различие в качестве и полноте правового регулирования хозяйственной деятельности в субъектах РФ.

Материалы и методы

В аналитических работах при исследовании интеграции часто используется т.н. «поточковый» метод, предполагающий ее оценку по показателям межрегиональных потоков товаров и факторов производства [Houtum, 2000; Белоусова, 2012]. Однако, на наш взгляд, потоки помогают оценить лишь предпосылки, но не дают информации о текущем уровне интеграции, а также более «зрелых» стадиях ее развития (например, в институциональном пространстве).

В связи с этим применялся комплексный подход: для анализа предпосылок и барьеров интеграции на рынках использовались методы исследования межрегиональных потоков. Закон единой цены позволил провести оценку текущего уровня интеграции

рынков регионов. Далее была проведена оценка институциональных аспектов интеграции. Это дало возможность выявить экономические, социальные, институционально-правовые барьеры ее развития.

Информационной базой выступили данные Росстата; Росавтодора; инвестиционной компании InfraOne, специализирующейся на прямых инвестициях в инфраструктуру; стратегические и программные документы развития регионов; отчеты о деятельности институтов межрегионального развития.

Предпосылки и барьеры развития пространственной интеграции северных регионов

Среди северных территорий страны особое место занимают субъекты Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Коми, Карелия и Ненецкий АО), обладающие огромным природно-ресурсным, промышленным, транзитным, геостратегическим потенциалом.

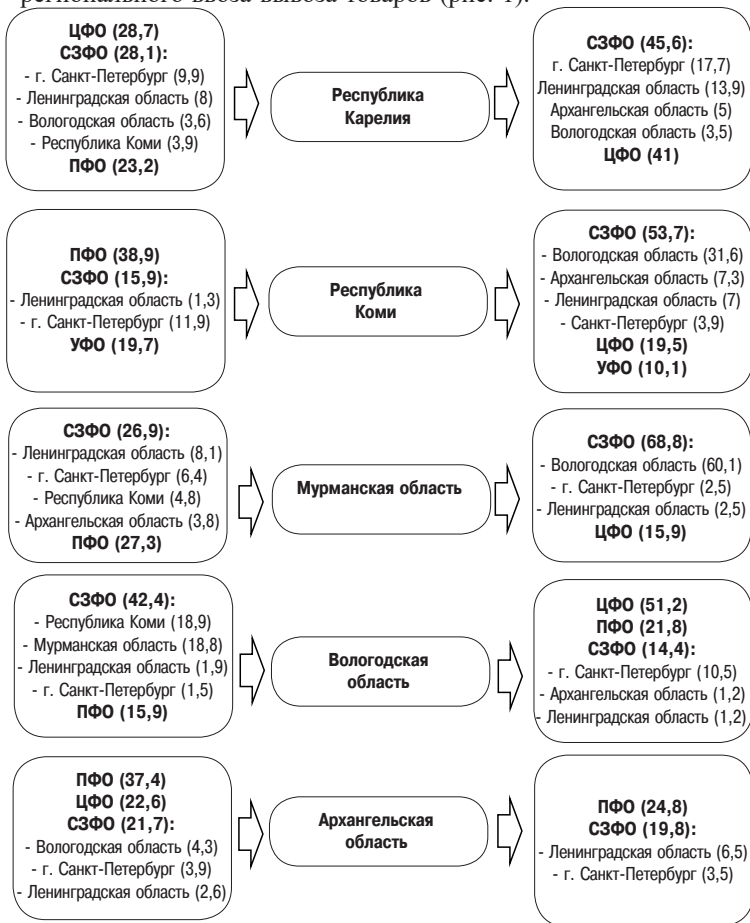
Состав Европейского Севера повторяет границы Северного экономического района, являющегося в советский период объектом планового управления. При переходе к рынку и после создания СЗФО целостность экономического пространства района была нарушена, многие инструменты координации развитием входящих в его состав территорий были упразднены. Вместе с тем необходимость консолидации потенциалов субъектов Европейского Севера России для решения их общих задач (инфраструктурного обустройства, освоения Арктики и т.п.) и увеличения на основе этого их вклада в развитие страны и обеспечение национальной безопасности не вызывает сомнений.

Отраслями специализации Европейского Севера являются лесной комплекс, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, ТЭК, опирающиеся на богатую минерально-сырьевую базу, а также транспорт.

В период СССР здесь был сформирован ряд крупных *территориально-производственных комплексов* (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК). Именно в рамках ТПК сложились основные связи между субъектами ЕСР, которые сохранились до настоящего времени.

Об этом свидетельствуют данные о стоимостных объемах межрегионального ввоза-вывоза товаров (рис. 1).

Источник. Рассчитано по данным, полученным из запроса в Росстат.

Рис. 1. Основные потоки межрегионального ввоза-вывоза товаров (2016 г., без учета экспорта), % их общего объема в стоимостном выражении

Так, в Вологодскую область направляется почти треть вывозимой из Республики Коми в другие регионы продукции (каменный уголь, продукты нефтепереработки); из Мурманской области –

60% (железная руда). Здесь прослеживаются технологические цепочки ПАО «Северсталь», ПАО «Фосагро» и других крупных хозяйствующих субъектов, подразделения которых располагаются в разных регионах Европейского Севера.

Однако более тесные связи в рамках системы национального разделения труда существуют с южными субъектами СЗФО. При этом за пределы Европейского Севера вывозится в основном продукция минерально-сырьевого комплекса и переработки природных ресурсов (строительные материалы, древесина, пиломатериалы, бумага, уголь, прокат черных металлов, трубы стальные, удобрения), пищевой промышленности (молоко, мясо, комбикорма), а ввозятся товары более высоких переделов (автомобили, вагоны, компрессоры, бульдозеры, медицинская техника, автомобильные шины, синтетические средства, бытовая мебель), продовольствие. Таким образом, в системе разделения труда Европейский Север продолжает играть роль «ресурсной кладовой», как это было и во времена СССР.

На снижение его внутренней интегрированности существенно повлияла переориентация товарных потоков на внешние рынки в ходе либерализации торговли в 1990-е гг. В частности, в настоящее время экспортируется 70–75% продукции, произведенной в Карелии, 50–55% – в Мурманской области, 40% – Коми. Однако сохранившиеся связи являются объективной предпосылкой для развития пространственной интеграции северных регионов как между собой, так и с расположенными южнее территориями страны (прежде всего в рамках макрорегиона).

Для оценки уровня интеграции северных регионов на товарных рынках был использован инструментарий, обоснованный в работах [Глуценко, 2002; Сазонова, 2005] и базирующийся на выполнении закона единой цены. Он исходит из положения, что в интегрированной экономике рост спроса на территории ведет к увеличению здесь уровня цен на товары и их предложения за счет ввоза из других областей. Это приведет к снижению цен в данной местности, а также за счет эффекта пространственного арбитража обеспечит рост цен на товары на территориях, где они изначально были ниже. На практике закон единой цены в строгой форме не выполняется, поскольку всегда имеют место издержки на преодоление «естественных» препятствий товарообороту (расстояния между населенными пунктами и т.п.).

Представленные ниже расчеты уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера базируются на выявлении зависимости между разбросом уровней цен на товары и уровней доходов населения в регионах:

$$\ln(P_{at}/P_{\text{средт}}) = \alpha_t + \beta_t \ln(I_{at}/I_{\text{средт}}) + \varepsilon_{\text{rst}},$$

где a – регион;

P_{at} – стоимость условного набора продуктов питания в регионе a в момент времени t ;

$P_{\text{средт}}$ – средняя стоимость условного набора продуктов питания по группе оцениваемых субъектов РФ;

I_{at} – среднедушевые денежные доходы населения в субъекте a в момент времени t ;

$I_{\text{средт}}$ – среднедушевые денежные доходы населения по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени t ;

β_t – коэффициент, характеризующий зависимость различия уровней цен товаров и среднедушевых доходов в субъекте a от среднего по группе оцениваемых субъектов РФ (количественная оценка уровня интеграции рынков);

α_t – коэффициент, оценивающий вклад всех факторов в разброс уровней цен между субъектом a и средним по группе исследуемых субъектов РФ;

ε_{rst} – ошибка модели регрессии.

При этом отсутствие зависимости локального уровня цен от уровня доходов является свидетельством пространственной интеграции товарных рынков ($\beta_t = 0$). Если же зависимость имеет место быть, можно говорить о наличии барьеров такой интеграции.

Исходными данными для анализа послужили временные ряды уровней цен (измеряемых через стоимость условного набора продуктов питания) и доходов (среднедушевые денежные доходы населения) по регионам Европейского Севера России в период с января 2009 г. по декабрь 2020 г. с месячным шагом (144 периодов наблюдения). Как свидетельствуют полученные значения коэффициента детерминации, практически все значения показателя уровня интеграции (β_t) за эти периоды статистически достоверны.

Динамика среднегодового уровня интеграции рынков продуктов питания регионов (β_t) в 2009–2020 гг., полученная как

средняя арифметическая по месяцам в рамках года, представлена на рис. 2.

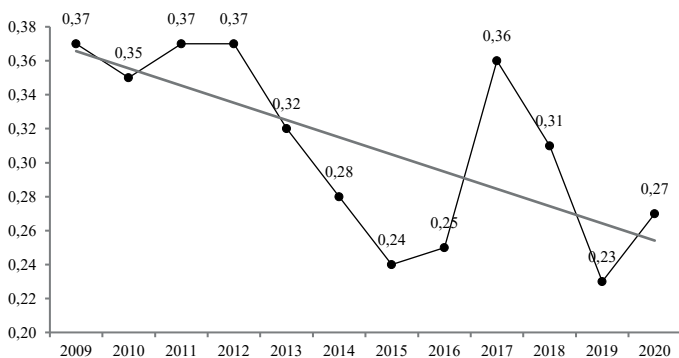

Рис. 2. Динамика уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера России в 2009–2020 гг.

Если в 2009–2015 гг. наблюдалась положительная тенденция к повышению уровня интегрированности рынков (более быстрый рост доходов населения над уровнем цен), то с 2016 г. активизировались дезинтеграционные процессы. Негативно повлияли на уровень интеграции регионов и ограничительные меры 2020 г. В целом за исследуемый период значение β_1 по-прежнему достаточно высокое, что свидетельствует о барьерах развития интеграции товарных рынков⁴.

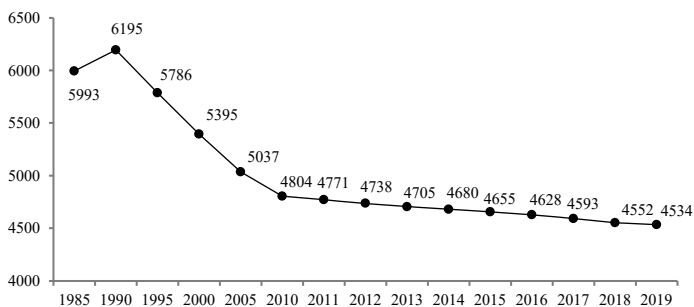
Закон единой цены можно применять и для анализа уровня интеграции рынков факторов производства (труда). Под интеграцией на рынке труда понимается состояние свободного перетока трудовых ресурсов, обеспечивающего сбалансированность рынка с точки зрения спроса и предложения. При этом однородность рынка мы будем оценивать вариацией показателей уровня безработицы (по методологии МОТ) и напряженности на рынке труда.

Полученные результаты говорят о том, что в настоящее время отмечается *слабая интегрированность северных регионов на рынке труда*. Об этом, в частности, свидетельствует

⁴ При этом значения коэффициента в исследуемый период были выше, чем в начале 2000-х гг. (тогда значение β_1 находилось в диапазоне 0,20–0,28).

высокий коэффициент вариации по показателю напряженности⁵ (1992 г. – 91,6%; 2019 г. – 46,6%, пороговое значение – 33,3%). Одной из ключевых причин дезинтеграционных процессов на рынке труда является значительный центростремительный вектор миграции трудовых ресурсов в южные регионы СЗФО (г. Санкт-Петербург, Ленинградскую область) и ЦФО (г. Москву, Московскую область).

При этом устойчивое сокращение численности населения является одним из барьеров обеспечения интеграции пространства на внутри- и межрегиональном уровнях. Так, в 1990–2019 гг. Европейский Север России потерял более ¼ населения (1,6 млн чел.), а это кадры для экономики, потребители, формирующие спрос (рис. 3). Вслед за этим происходит резкое *сжатие емкости региональных рынков*, что снижает привлекательность территорий для бизнеса, ограничивает развитие торговых связей с другими регионами, т.е. интеграцию Севера в национальный рынок.

Источник. Рассчитано по данным Росстата.

Рис. 3. Численность постоянного населения Европейского Севера России в 1985–2019 гг. (на 1 января), тыс. чел.

Сокращение численности населения привело к *локационному сжатию* «пространства жизни». Так, если в 1970 г. в Архангельской области насчитывалось 5249 сельских населенных пунктов с постоянными жителями, в 1989 г. – 3651, то к 2010 г. уже 3108 ед. Параллельно происходило *измельчение территориально-*

⁵ Рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения.

поселенческой структуры. Даже в Вологодской области – самом южном субъекте Европейского Севера – без населения или малочисленными (до 10 человек) в 2010 г. было более 2/3 общего числа мест расселения, часть из которых к 2020 г. потеряли статус населенного пункта (табл. 1).

Таблица 1. Распределение населенных пунктов Вологодской области по численности населения в 1979–2020 гг.

Населенные пункты	1979	1989	2002	2010	2020
Всего, ед.	9052	8459	8041	8006	7877
Из них:					
без населения	484	1346	1625	2131	
С числом жителей:					
до 10 чел.	2049	2746	3046	3228	
10–50 чел.	4232	2904	2244	1684	
51–100 чел.	1276	641	424	369	
свыше 100 чел.	1011	822	702	594	

Источник. Данные Всероссийских переписей населения, Вологдастата

Это ведет к *разрушению пространственного каркаса, увеличению географической удаленности между его элементами и росту затрат на обеспечение их взаимодействий.* Ситуация усугубляется кризисным состоянием и депопуляцией практически всех малых и средних городов Севера, традиционно служивших связующим элементом между крупными городами и сельской местностью.

Еще одним барьером развития интеграции является *упрощение в рыночных условиях структуры хозяйства* экономических центров Европейского Севера, приводящее к разрушению сложившейся системы разделения труда на внутри- и межрегиональном уровнях. Так, в СССР экономическое ядро значительной части средних и малых городов Севера составляли сразу несколько ведущих отраслей специализации (табл. 2). Это способствовало развитию устойчивых кооперационных связей как по линии «город-село» внутри одного региона, так и между северными территориями. Однако переход к рынку запустил негативные процессы по разрушению данных отраслей. Например, в постсоветский период Воркута не только пережила кризис в угольной промышленности, из нее «ушли» «знаниевые» функции,

(актуальные для всей зоны Севера), что обострило проблемы этого и других моногородов⁶.

Таблица 2. **Ключевые отрасли экономики некоторых северных городов Европейского Севера России**

Город	Период СССР (II пол. XX в.)	Современный период
Воркута	Угледобыча; «северная» наука (в сфере северного строительства, мерзлотоведения, экологии); пищевая промышленность; швейное производство.	Угледобыча (затухающая); производство цемента; пищевая промышленность.
Инта	Угольная промышленность; производство кирпича; деревообработка.	Переработка оленьины; молочная промышленность; добыча природного газа.
Кондопога	Целлюлозно-бумажное производство; горная промышленность; производство кирпича; лесная промышленность.	Целлюлозно-бумажное производство; производство шунгита ⁷ .
Надвоицы	Алюминиевая промышленность; лесное промышленное хозяйство; транспорт: внутренний водный, железнодорожный.	Производство алюминиевых радиаторов; производство микрошунгита.
Великий Устюг	Лесная промышленность; машиностроение; внутренний водный транспорт; легкая промышленность; пищевая промышленность; туризм.	Лесная промышленность; туризм; легкая промышленность; пищевая промышленность.

Источник. Составлено на основе анализа стратегических и программных документов развития городов.

Иными словами, произошло разрушение отраслей, связанных с обеспечением устойчивости северных городов, их встраиванием в региональные и национальные цепочки добавленной стоимости.

В целом, экономика северных регионов является экспортно ориентированной с преобладанием отраслей, производящих продукцию первых переделов. Так, в структуре экспорта Карелии в 2020 г. на древесину, лесоматериалы низкой степени переработки приходилось 37,4% общего объема вывоза; продовольственные товары – 18,8%; целлюлозно-бумажные изделия – 38,5%. Импортировалась преимущественно машиностроительная продукция.

⁶ Замятина Н. Салехард и Воркута: по разные стороны. URL: <https://goarctic.ru/society/salekhard-i-vorkuta-po-raznye-storony/> (дата обращения: 24.06.2021)

⁷ Оба производства имеют весьма ограниченные мощности.

Ключевой страной – контрагентом Карелии является Финляндия (ее доля во внешнеторговом обороте составляет около ¼). Для активизации сотрудничества в 2000 г. был сформирован Еврорегион «Карелия». Его деятельность способствовала развитию кооперационных взаимодействий стран на товарных рынках. Однако, как справедливо отмечают исследователи [Дружинин, Кукарева, 2012], российская сторона выступает преимущественно в качестве поставщика сырья, и «западная часть Карелии стала частью финского лесного кластера, поставляя ресурсы для финских лесоперерабатывающих предприятий».

Иными словами, характер торговых отношений не привел к более зрелым формам интеграции, качественному сближению (конвергенции) экономических систем регионов России и Финляндии, развитию их как единого трансграничного региона ввиду сохраняющихся чрезвычайно высоких диспропорций в развитии его частей.

Так, в 2018 г. доход домашних хозяйств на душу населения в финских территориях составлял 18,5 тыс. евро, а в Республике Карелия – 5,9 тыс. евро. Сохраняются огромные технологические различия в сфере экономики территорий⁸. Причем для российской стороны эта ситуация усугубляется крайне низкими расходами на НИОКР (в 2019 г. различия между российскими и финскими муниципалитетами по этому показателю на душу населения достигали 80 раз), что консервирует устаревшую структуру карельской экономики и отношения с зарубежной стороной на принципах сырьевого придатка.

Важнейшим барьером пространственной интеграции экономики страны выступает ее *слабая инфраструктурная обустроенность*. Согласно исследованию компании InfraOne⁹, инфраструктурные проблемы являются весьма актуальными и для Европейского Севера. Так, в 2020 г. интегральный индекс развития инфраструктуры здесь составлял от 5,34 (Архангельская область) до 5,81 баллов (Ненецкий АО) из 10 (лидер – г. Москва (7,77)).

---

⁸ В структуре экономики муниципалитетов Финляндии значительную долю занимают «синяя», лесная биоэкономика, распределенная биопереработка, фотоника, ИКТ, разработка материалов для химической промышленности, деревянное домостроение. URL: <https://www.euregiokarelia.com> (дата обращения: 20.07.2021).

⁹ Аналитический обзор «Инфраструктура России: индекс развития 2020. URL: <https://infraone.ru> (дата обращения: 21.06.2021)

Аналогичным образом складывается ситуация и с транспортной инфраструктурой: в Архангельской области уровень ее развития составляет 2,52 балла, Карелии – 2,73, Вологодской области – 2,86 из 10 (лидер – г. Москва с 8,54 баллами).

Согласно расчетам, проведенным на основе данных Росавтодора, особо слабая транспортная связность характерна для сельских территорий. В частности, 48,5% сельских населенных пунктов Архангельской области не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования; в Коми – 32,6%, Вологодской области – 31,6%. Для решения этой проблемы развивается локальная автодорожная сеть (в Мурманской области ею было обеспечено $\frac{1}{4}$ сельских населенных пунктов), но в целом существующая система сообщения ограничивает связность пространства, ведет к дополнительным временным и иным издержкам при логистике.

Процессы пространственной интеграции сдерживаются также барьерами *институционального и нормативно-правового характера*. В частности, сложившаяся в России система управления развитием регионов построена по административно-территориальному принципу, что ограничивает возможности использования инструментов скоординированного развития нескольких субъектов РФ, реализации межрегиональных проектов [Бухарова, 2018].

Потенциал институтов межрегионального сотрудничества также весьма ограничен. Так, регионы Европейского Севера еще в 1990-х гг. вошли в состав ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад» (правопреемник – АНО «Стратегическое партнерство “Северо-Запад”»). Однако за ассоциациями с самого начала законодательством не было закреплено полноценных управленческих функций, что ограничивало возможности проведения ими социально-экономической политики по согласованному развитию субъектов РФ. В начале 2000-х гг. роль таких структур еще больше снизилась в связи с централизацией управления и созданием федеральных округов как института президентской власти в регионах.

Анализ реализуемых в 2019–2020 гг. при участии Партнерства¹⁰ проектов свидетельствует о том, что данная структура

---

¹⁰Официальный сайт АНО «Стратегическое партнерство “Северо-Запад”». URL: <https://n-west.su/> (дата обращения: 19.07.2021)

фактически выполняет функции площадки для обмена опытом, анализа лучших практик в целях согласования позиций субъектов РФ по вопросам их развития; куратора при обращении в федеральные органы власти, а также выполняет экспертизу инвестпроектов (которые при этом зачастую находятся еще на концептуальном этапе проработки). Однако, на наш взгляд, интеграции должна способствовать реализация проектов межрегионального значения в производственной сфере, имеющих мультипликативные эффекты и базирующихся на использовании преимуществ специализации и кооперации.

Не сыграли позитивной роли и созданные в 2000-х гг. федеральные округа. Так, СЗФО, как и другие аналогичные структуры, не имеет «хозяйственных» инструментов управления развитием входящих в его состав субъектов Федерации (бюджета и иных «собственных» финансовых инструментов). Функции полномочного представителя Президента РФ носят преимущественно контрольный и церемониальный характер.

Ряд ученых [Бухвальд, 2019; Экономическая интеграция..., 2004 и др.] неоднократно обращали внимание на то, что созданные округа разрушили целостность пространства экономических районов (например, СФО). Наряду с этим ключевыми причинами невыполнения Стратегии социально-экономического развития Сибири 2010–2020 гг. отмечают ориентацию на локальные проекты, недостаток межрегиональных инициатив, слабую поддержку процессов кооперации и интеграции усилий регионов [Сибирский вектор развития..., 2020].

Очередной новацией в поддержке пространственной интеграции стало формирование в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ новой сетки *макрорегионов*. Поскольку макрорегионы были созданы «сверху», то для использования интеграционного потенциала необходима реализация по отношению к ним специальной политики, а также создание организационных структур управления [Кузнецова, 2019]. Пока этого, к сожалению, не сделано, как до сих пор не опубликованы стратегии развития макрорегионов и перечень проектов и мероприятий межрегионального характера в экономике и социальной сфере. Так что говорить о статусе и эффективности макрорегионов как института развития пространственной интеграции пока преждевременно.

Ограниченный интеграционный потенциал данных структур усугубляется их слабым инструментальным обеспечением. Так, практически не используются возможности разработки стратегических документов развития и территориального планирования нескольких субъектов РФ; стратегии развития части субъекта РФ, что закреплено в ФЗ-172.

Система межбюджетных отношений также является тормозом для развития интеграционных процессов. Лишь в 2019 г. в законодательстве был закреплен механизм *горизонтальных субсидий*, предполагающий возможность предоставления бюджетам муниципальных образований субсидий из бюджетов других муниципалитетов. Данный механизм может выступить основой для финансирования совместных проектов. Однако практика их использования имеет ограниченный характер [Григоров, 2020].

Заключение

На основе проведенного анализа выявлено, что в настоящее время существует целый ряд благоприятных предпосылок и условий для развития пространственной интеграции субъектов Европейского Севера России, а именно:

- сохранившиеся территориально-производственные связи между ними в рамках национального разделения труда;
- общая инфраструктура территорий (транспортная, энергетическая);
- общие проблемы в развитии территорий, что обуславливает необходимость консолидации потенциала регионов Европейского Севера России для их совместного решения;
- традиционные исторические, социальные, культурные связи между регионами.

Вместе с тем развитие Европейского Севера России в течение последних десятилетий характеризуется наличием дезинтеграционных процессов в его пространстве. Это проявляется в разрушении сложившихся еще во времена СССР кооперационных связей северных субъектов и их переориентации на внешние рынки.

На основе проведенных расчетов с использованием закона единой цены была доказана недостаточная интегрированность рынков товаров (на примере рынка продуктов питания) и труда ЕСР, которая усугубляется нарастанием центростремительного вектора миграции населения с Севера в южные регионы ЦФО

и СЗФО. Обостряются проблемы инфраструктурного обеспечения северных территорий.

Устранению существующих барьеров и обеспечению пространственной интеграции северных регионов, на наш взгляд, будет способствовать реализация государственной политики, направленной на:

1) научное обоснование приоритетов развития интеграционных процессов на основе «умной» специализации, ориентированной на внедрение механизмов модернизации существующих и развития новых центров роста с учетом глобальных сдвигов в мировой экономике;

2) наполнение стратегий и программ развития макрорегионов инструментами разработки и реализации межрегиональных проектов, направленных на модернизацию территориально-хозяйственных систем, получение районного эффекта на общей инфраструктуре, базах снабжения, телекоммуникационных системах;

3) реализацию единой инвестиционной, научно-технологической, структурной, инфраструктурной политики на уровне макрорегионов;

4) формирование механизмов аккумуляции ресурсов для реализации проектов в форме межрегиональных фондов развития, заключения межрегиональных договоров с участием бизнеса [Котов, 2021];

5) повышение эффективности деятельности межрегиональных институтов научно-технологического развития регионов (например, потенциала НОЦ «Российская Арктика...»).

Развитие кооперационных связей субъектов Европейского Севера России во всех сферах региональной социально-экономической системы и дополнение их институтами координации является основой успешного развития интеграционных процессов в экономическом пространстве северных регионов.

Литература

Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19.

Белюсова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 127–137.

Бухарова Е.Б. Нужны новые механизмы государственной региональной политики // ЭКО. 2018. № 6. С. 38–49. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–6–38–49

Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10

Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32.

Глуценко К. Эконометрический анализ интегрированности российского внутреннего рынка // Регион: экономика и социология. 2002. № 3. С. 67–86.

Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.

Григорьев В.Э. Опыт использования горизонтальных межбюджетных трансфертов в российской федерации на региональном и муниципальном уровне // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 8. С. 242–253. DOI: 10.34755/IROK.2020.98.20.143

Дружинин П.В., Кукарева Т.В. Сотрудничество приграничных регионов: Карельская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 8. С. 2–9.

Клейнер Г.Б. Системно-интеграционная теория предприятия // Montenegrin Journal of Economics, 2005, December. Vol. 1. № 2. 20 с.

Котов А. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018–034

Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.1

Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селивёрстов В.Е., Сулов В.И., Сулов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111

Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073–1051–2019–4–112–125

Курушина Е. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ. 2019. С. 78.

Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 50.

Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–61.

Полякова А.Г. Модернизация структуры экономического пространства региона // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 2. Т. 2. С. 28–31.

Сазонова Т. Оценка экономической интеграции российских регионов: На примере СЗФО: автореферат дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2005. 22 с.

Челнокова О. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 2. С. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158

Экономическая интеграция: пространственный аспект / Под общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 360 с.

Вое, D., Grasland, C., Healy A. (1999). Spatial integration. URL: http://mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/spatial_integration.pdf.

Guo, R. (2016). China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? *China Finance and Economic Review*. Vol.4. No. 1. 21 p. DOI:10.1186/s40589-015-0025-4

Houtum, Van H. (2000). An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–83.

Uszkai, A. (2015). Spatial Integration and Identity: Cases of Border Regions. *GAI International Academic Conferences Proceedings Prague, Czech Republic*. Vol. 7. No 10. Pp. 24–36.

Статья поступила 12.05.2021

Статья принята к публикации 27.12.2021

Для цитирования: Кожневников С. А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3. С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

Summary

Kozhevnikov, S.A., Cand. Sci. (Econ.), Vologda Research Center of the RAS (VolSC RAS), Vologda

Spatial Integration of the Economy: Theoretical Concepts and Problems of Implementation at the Regional Level

Abstract. Based on the critical analysis of theoretical concepts the paper substantiates the essence, “generic” characteristics, prerequisites and conditions for ensuring spatial integration of regional economies. The author shows that integration is often interpreted as a synonym for convergence of territories, however, based on an analysis of the interaction between the municipalities of the Republic of Karelia and Finland it has been proved that it does not always provide convergence in practice. The author considers integration as a process that develops in time and in spheres using the law of a single price as well as within the framework of the “streaming” approach to assessment and identifies the features of integration processes in the markets of goods and factors of productions (labor) in the northern regions. The paper analyzes institutional, regulatory, and infrastructural aspects of spatial integration, barriers to its provision at intra- and interregional levels. The author substantiates the priorities of state policy to ensure the unity of the country’s economic space.

Keywords: *economic space; spatial integration; region; regional economy; convergence*

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-110-50192

References

Baklanov, P. Ya. (2002). Integrational and desintegrational processes in the Far East of Russia. *Regional'nye issledovaniya*. No.1. Pp. 11–19. (In Russ.).

Belousova, A.V. (2012). The inter-regional cooperation: the impact on the regional economy (Khabarovsk Krai). *Spatial Economics*. No. 4. Pp. 127–137. (In Russ.).

Boe, D., Grasland, C., Healy, A. (1999). *Spatial integration*. Available at: http://mcrit.com/SPESP/SPESP_REPORT/spatial_integration.pdf.

Bukharova, E.B. (2018). We need to update the mechanisms of state regional policy. *ECO*. No. 6. Pp. 38–49. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-38-49 (In Russ.).

Bukhwal'd, E.M., Ivanov, O.B. (2015). Actual problems of spatial integration the Russian economy. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. No. 5. Pp. 7–32. (In Russ.).

Bukhval'd, E.M. (2019). Legal regulation of strategic spatial and territorial planning. *Journal of Russian Law*. No. 11. Pp. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10 (In Russ.).

Chelnokova, O. (2016). The relationship and interdependence of convergence and integration in the economy. *Izvestiya of Saratov university. Economics. Management. Law*. Vol. 16. No. 2. Pp. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158 (In Russ.).

Druzhinin, P.V., Kukareva, T.V. (2012). Cooperation of the border region: the Karelian practice. *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 8. Pp. 2–9. (In Russ.).

Glushchenko, K. (2002). Econometric analysis of the degree of integration of the national market. *Region: Economics and Sociology*. No. 3. Pp. 67–86. (In Russ.).

Granberg, A.G. (1999). Regions in the economic space of Russia. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. No. 2. Pp. 4–12. (In Russ.).

Grigorov, V.E. (2020). Assessment of the impact of taxation on income differentiation. *Topical Issues of the Modern Economy*. No. 8. Pp. 242–253. DOI: 10.34755/IROK.2020.98.20.143 (In Russ.).

Guo, R. (2016). China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? *China Finance and Economic Review*. Vol.4. No. 1. Pp. 1–21. DOI:10.1186/s40589-015-0025-4

Houtum, Van H. (2000). An overview of European geographical research on borders and border regions. *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 15. No. 1. Pp. 57–83.

Kleiner, G.B. (2005). The system-integrated theory of the enterprise. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 1. No. 2. Pp. 21–39. (In Russ.).

Kotov, A. (2021). The territory requires coherent work: the role of interregional interactions in economic recovery (to the 100th anniversary of I.G. Aleksandrov's work 'Economic Regionalization of Russia'). *Spatial Economics*. Vol. 17. No. 1. Pp. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034 (In Russ.).

Kryukov, V.A. (2020). On the interconnection and interaction of economic, industrial and scientific-technological policies.. *Science Management: Theory and Paractice*. Vol. 2. No. 2. Pp.15–46. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.1 (In Russ.).

Kryukov, V.A., Lavrovskii, B.L., Seliverstov, V.E., Suslov, V.I., Suslov, N.I. (2020). Siberian development vector: based on cooperation and interaction. *Studies on Russian Economic Development*. No. 5 (182). Pp. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111 (In Russ.).

Kurushina, E. (2019). *Spatial development management based on interregional economic integration*. Tyumen: TIU Publ.. 176 p. (In Russ.).

Kuznetsova, O. (2019). Alternative approaches to specify the role macro-regions of Russia in the system of public administration. *Federalizm. Federalism*. No. 4. Pp. 112–125. DOI: 10.21686/2073–1051–2019–4–112–125 (In Russ.).

Lazhentsev, V.N. (2020). The North and the integration of socio-economic spaces: an example in the Russian Northwest.. *Studies on Russian Economic Development*. No. 3. Pp. 48–56. (In Russ.).

Minakir, P.A. (2004). *Economic integration: spatial aspect*. Moscow: Ekonomika Publ. 360 p. (In Russ.).

Polterovich, V.M. (2015). From social liberalism towards the philosophy of collaboration. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. Pp. 41–61. (In Russ.).

Polyakova, A.G. (2011). Modernization of the structure of the economic space of the region. *Cherepovets State University Bulletin*. No. 2. Vol. 2. Pp. 28–31. (In Russ.).

Sazonova, T. (2005). *Assessment of the Economic Integration of Russian Regions: The Case of the Northwestern Federal District*: Candidate of Sciences (Economics) dissertation abstract. Novgorod State University. Velikii Novgorod. 22 p. (In Russ.).

Uszkai, A. (2015). Spatial integration and identity: cases of border regions. In: *GAI International Academic Conferences Proceedings Prague, Czech Republic*. Vol. 7. No 10. Pp. 24–36.

For citation: Kozhevnikov, S.A. (2022). Spatial Integration of the Economy: Theoretical Concepts and Problems of Implementation at the Regional Level. *ECO*. No. 3. Pp. 84–107. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107